«Убери его из толпы...»

На живом изображении Голонета, снятом автообъективами почти над толпой, Император протянул ветку, наклонив голову набок, как будто в изумлении, затем спокойно отвернулся. Толпа шипела и освистывала действия стражи, пока Император продолжал идти, позволяя солдатам повстанцев вежливо, но твердо занять центральную позицию вдали от толпы.

Вторая группа падала с обеих сторон, полностью отделяя его от растущей толпы, хотя он, казалось, не обращал внимания на возрастающую безопасность. Через несколько мгновений Император слегка поднял руку на уровне груди - и толпа взбесилась.

Там, скрученный между его пальцами, был цветущий кончик ветки лоррика, которую ему дали, оторванной во время разговора с охранни «Сотня каналов», - сказал Хан, улыбаясь.

Лея полуобернулась.

"Какая?"

«Прямая трансляция - Сумар только что сказал, что сейчас она транслируется более чем по сотне отдельных каналов Голонета».

"Что мы наделали?" - пробормотал Одиг, закрыв лицо руками.

«Поздравляю, командир», - сухо заявила Лея.

«Вы создали первого в галактике демократически одобренного Императора». . . .

Мара шла на десять шагов позади Люка, осознавая спонтанное возбуждение толпы, одновременно пугающее, волнующее и внушающее трепет. Несмотря на ухудшающуюся хромоту, Люк шел с высоко поднятой головой и прямой спиной, не торопясь.

Он играл в эту игру, как всегда, отвечая толпе, выдвигая образ, который они так хотели видеть, и он знал это. Несмотря ни на что, независимо от его одежды и его хромоты, его побитого лица и его медленной походки, он был абсолютно, без извинений Императором - и толпа любила его за это.

Тем не менее, Мара начинала паниковать, когда проход перед ними сузился до тропы, устланной зеленым ковром, и небольшой отряд повстанческих гвардейцев с Солк ним добавились другие, неизвестные солдаты в форме повстанцев, теперь вынужденные взяться за руки, чтобы сдерживать толпу, изо всех сил стараясь сохранить путь впереди, когда люди приближались, протягивая руки между стражей, чтобы зачесать одежду своего Императора .

Наконец-то показался имперский лагерь, сверкающие нубийские транспорты отражали солнечный свет, на них красовался имперский герб Люка из лоррикских венков. Осажденные солдаты повстанцев уступили место Имперской гвардии, которая уже выстроилась в достаточном количестве, чтобы обеспечить организованный барьер в три глубины, сдерживая толпу до начала огороженного лагеря.

Больше не пытаясь скрыть свою хромоту, Люк лишь немного ускорил шаг, чтобы добраться до Имперского анклава, когда толпа стала почти неконтролируемой, Мара просто прошла через ворота периметра, когда они полностью закрылись, удаленные камеры отодвинулись, чтобы рассмотреть массовую картину отправив его на каждую планету Империи.

Люк сделал паузу, чтобы Мара подошла к нему на одном уровне, но она бесконечно покачала головой; это был его момент, и он должен принять его в одиночку. Он подмигнул ей, невероятно мальчишеский и озорной в данный момент, как будто его лучший трюк еще впереди.

Затем он снова повернулся, чтобы медленно и уверенно пройти сквозь свою охрану, поспешно собранную, когда Имперский лагерь понял, что их Император уже в пути. Королевская гвардия, одетая в алое, составляла переднюю линию огромного почетного караула, из десяти штурмовиков.

Позади главного Консульского Корабля находились Королевские Яхты любого Дома, достаточно близкого, чтобы присутствовать на импровизированном мероприятии, еще десятки толпились в небе над кавалькадой, чтобы выразить свою поддержку своему Императору. Кивнув, Люк медленно прошел через свои войска, уделяя им такое же милостивое внимание, как и толпе, хотя Мара могла видеть, что его дыхание стало короче, и какие резервы у него были на исходе. Имперские представители и члены королевских домов низко поклонились при приближении их Императора. Откуда-то появился помощник в строгом стильном пиджаке - собственном Люка - и он надел его, но не застегнул. . . .

На борту «Первого дома» многие Советники не могли больше смотреть и в ужасе отворачивались.

Другие были привязаны к экранам в болезненном очаровании, шум толпы все еще был оглушительным, так что возбужденным местным репортерам - единственным присутствующим на мероприятии - приходилось кричать, чтобы их услышали.

«Садись на корабль», - прошептал кто-то позади Леи, торопя его.

«Садись на этот проклятый корабль».

«Он не такой уж идиот», - сказал генерал Харт.

«Он доит это. Черт, я бы».

К ним присоединились другие начальники отделов и члены Совета, приглушенные опасениями.

«Нет… садись на корабль».

«Можем ли мы остановить его? Можем ли мы прервать передачу?»

"Ты псих!"

Перед имперским анклавом, перед впечатляющим фоном этого огромного Консульского корабля и множества нубийских яхт с эмблемами Императора, была поспешно установлена подозрительно заранее подготовленная помоста, и Лея наблюдала, как Император остановился, когда он ступил на нее. толпы за барьерами все еще бурно аплодировали, когда приближались линзы удаленных новостей. . .

. Люк не мог не заметить Кирию Д'Арку, необычно одетую в струящееся белое платье, но с длинным малиновым плащом из богато расшитого бархата и украшенной рубинами короной, которую она носила на их свадьбе, подчеркивая ее поразительное торжество. платье.

Она стояла с прямой спиной и гордо улыбалась на возвышении, за ее спиной стояли несколько сановников; - в группе нет военных, - заметил Люк, выступая.

Он повернулся, чтобы найти Мару, поглядывая поверх голов штурмовиков, и толпа взревела, когда он снова появился в поле зрения на возвышении, волна шума поразила.

Кирия слегка улыбнулась и под радостные возгласы толпы не сделала ничего более формального, чем легонько поцеловала Императора в щеку.

Когда она наклонилась, он услышал ее тихий шепот ему на ухо: «Говори с ними… не говори, что это не то, что ты хотел».

Он взглянул вниз, как ее руки, упирающиеся в его воротник, когда она наклонилась, прикрепили туда крошечный микрофон. Изнутри корабля поспешно появилась система громкой связи. Кирия слегка улыбнулась.

« Я же говорила тебе - идеальные партнеры», - молча произнесла она, выжидающе приподняв брови над дразнящими глазами, и отступила назад.

Люк смотрел ей в глаза, колеблясь секунду, затем повернулся и поднял руки, чтобы что-то сказать, хотя в данный момент ему пришлось начать трижды, прежде чем толпа замолчала, ожидающая тишина охватила внимательные лица.

Внезапно мне в голову пришли слова Мадина, сказанные с таким презрением в камере на борту « Осы» : « Палки и камни сломают мне кости, но слова никогда не повредят мне. Давай попробуем, не так ли? Ты можешь сказать слова, у меня будут палки, и мы посмотрим, кто истечет кровью первым».

Но в расчет принимал не тот, кто первым истек кровь, и Люк каждый раз понимал слова. Потому что он давно узнал, что у них есть собственная сила. .

«Я в долгу перед вами, каждым из вас. Вы восстановили мою веру и мою надежду на будущее…

Сегодня я вижу свободных существ всех верований, стоящих вместе. Я вижу солдат повстанцев, которые пришли на помощь Императору - Я вижу, что имперские солдаты и граждане гордятся тем, что стоят с ними плечом к плечу. Вы все являетесь Империей - это Империя, которую вы создали, Империя, которую вы продолжаете создавать, и вы должны по праву гордиться своими усилиями ». Волнение в толпе нарастало, заставляя Люка снова остановиться, пока оно не утихло. «Сегодня начинается новая эра терпимости.

Мы не так уж сильно отличаемся, те из нас, кто здесь стоит. То, что мое похищение вызвало возмущение как с точки зрения повстанцев, так и с точки зрения Империи, является унизительным, обнадеживающим… вдохновляющим понятием. все члены одной галактики; мы верим в одно и то же, в одни и те же неотъемлемые права, в одни и те же неприемлемые практики. Мы все возмущены фанатизмом немногих и воодушевлены терпимостью многих.

Если есть что-то, мы все могут продолжить это событие, пусть будет так. Пусть это будет знание нашего собственного разнообразия в рамках наших общих стремлений к целостности, кем бы мы ни были и во что мы верим. они пришли, потому что они увидели в этой развивающейся Империи что-то, чему они были готовы отдать свои жизни, чтобы способствовать сохранению своего существования. Они увидели надежду. Они видели будущее.

Тот, который мы все можем передать нашим детям. Один без войн и разделений, один без

прошлых предрассудков или нетерпимости в будущем. Они увидели Империю, которую я строю - Империюмы все строим каждый час и каждый день. Будущее, фундамент которого мы все заложили своими действиями в последние недели. «Сегодня кульминация многомесячных переговоров между Империей и умеренными в Альянсе.

Разъяснение о том, что даже в Альянсе повстанцев немногие воинствующие не могут заглушить голос разума. Меня похитили, чтобы сорвать эти переговоры, ограничить объявление об открытых переговорах между Умеренным Альянсом и Империей, и вызвать еще один цикл эскалации враждебности и кровопролития. «Но они не остановили это.

Они не могут остановить это ... потому что это в сердцах и надеждах каждого здесь ... Единая Империя, объединенная для единой цели, стремящаяся к единой цели. Демократия. Я никого не назову своим враг, если его разум открыт. Я никого не назову своим врагом, если он слушает и спорит.

<< Тем из нас, кто будет утверждать, что мы слишком разные во взглядах, что мы не можем работать вместе и чего-либо достичь, я здесь сегодня как доказательство того, что мы можем. Я здесь сегодня, потому что у нас уже есть различия. в наших умах, а не в сердцах. Наши различия - это ценность, достойная похвалы, а терпимость, которую мы проявляем, - это главная сила.

«Мы, многие из нас, так много потеряли в этой войне. Наблюдали за будущим, которое, как мы были уверены, было нашим, украденным навсегда. Мы проклинали его и выступали против него по обе стороны пропасти, хотя мы в глубине души знал, что этим мы только разжигаем огонь ".

Люк покачал головой, глядя на скопившуюся толпу.

"Я больше не буду кормить его. Как дань уважения всем тем, кто отдал так много, добровольно или неосознанно, я больше не буду его кормить . Я не буду служить целям немногих ревностных и не буду просить никого об этом на мое имя.

«У нас впереди долгий и трудный путь в этом поиске, но я надеюсь ... в один прекрасный день я намерен встать перед вами, провозгласив новый этос, новый путь. Самоуправление, врожденное право каждого из вы должны определить, кто будет управлять Империей, которую вы помогаете построить. Я верю, что вы сделаете это возможным. Что мы все воспользуемся этой надеждой и воплотим ее в жизнь.

«Вы восстановили мою веру, когда она пошатнулась, и я благодарю вас всех за это. Вы должны по праву гордиться своими действиями - вы должны с гордостью рассказывать своим детям о своем участии в создании свободной и справедливой Империи».

Он замолчал, тишина повисла в ожидании.

«Я увезу с собой воспоминания об этом моменте. Все остальное уходит на второй план». . . . . Аплодисменты толпы снаружи прокатились по корпусу и коридорам повстанческого грузового корабля Sol, в то время как собравшиеся в комнате операций смотрели прямую трансляцию по Голонету, слыша эти возгласы снова и снова с задержкой в несколько секунд. транслировался по всей галактике.

http://tl.rulate.ru/book/50172/1295697